

Проклятые зубы (картинка)

Городская амбулатория. Время первый час. Но ряды больных далеко не редуют. Раздаётся повсюду шум, шептання, изредка раздаётся тяжёлый вздох какого-нибудь больного или кто вскрикнет от невыносимой боли.

Растворяется довольно-таки нередко дверь кабинета врача и сестра в белом выкрикивает: — Сем-над-цатый. — В эту минуту все зашевеливаются и очередная фигура скрывается за дверь кабинета №5.

Затем опять та же тишина.

Вдруг тишину прорезал глухой рёв, доносившийся сквозь зимние рамы.

Некоторые сидящие бросились к окнам. В это время во двор больницы быстро въехала деревенская лошадёнка, из ноздрей которой клубом валил пар. Из саней быстро вылезла фигура, подвязала лошадь за вожжи к перилам лестницы и, дав охапку сена, направилась к входу.

Заскрипели ступени, скрипнула дверь и в больницу со страшным, как бы с бычьим рёвом вошёл мужчина. Голова его была завязана платком, — полушалком, шалью и поверх всего какой-то овчиной, из-под которой торчали рваные, грязные клочья волос. По глазам, единственно виднеющимся из всей кучи повязок, можно было прочесть тяжёлую муку.

Он неистово охал:

— Ох... ой... о...

Его обступили, начались расспросы.

«Бать, браток, товарищ, чего там орёшь-то», — послышались возгласы с соседних скамеек.

— Кабы мои-то зубы на тебя, — сказал он, сморкаясь в кулак, трунившему над ним парнишке, — так ты бы волком завыл.

Многие усмехнулись.

Расталкивая собравшуюся вокруг его толпу зевак, дядя Иван пробрался к окошечку, за которым сидела неповоротливая фигура регистратора.

Разгородя пальцами с большими ногтями, из-под которых виднелась чёрная грязь, рот для разговора и охая, он начал:

— Батюшка мой свет, сделай божескую милость...

— Как, говорите?.. — прервал его регистратор.

— Я, мол, дайте пожалуйста, ой... о... записочку к зуб... ой... ох... к зубному дохтуру...

— К какому, говорите, — переспросил не поворачиваясь регистратор.

— Да... батюшка... ох... Я говорю, к зубному, — ответил охая мужичок.

Регистратор взял ручку, окунул её в чернилах, поднёс к самому носу, посмотрел, двумя пальцами снял с кончика пера волосок и принялся не торопясь заполнять анкету. Дядя-же с нетерпением ждал.

Заполнив анкету под мычанье и оханье больного и изредка поглядывая через очки на мученика, вручил охавшему номерок.

— Вот, пожалуйста, можете являться к врачу...

— Премного вами благодарен, — быстро и радостно ответил больной и как бы с жадностью, но осторожно, забрал номерок.

— Да смотрите, не потеряйте...

— Как можно, — прервал его больной, — спасибо вам большое — человека спасли, спасибо...

— Ну, а теперь можете идти и через две недели пойдёте к врачу!!! — сказал регистратор, защёлкивая окошечко.

Раздался рёв, крик, протест. «Братцы! да что же это такое. Зубы мои... ой... ой... Ведь нарочно выпил сорокоушку с перцем (как меня учили), но и это не помогло, а зубы ох... проклятые зубы, ноют и ноют, а в виски словно сто чертей колотушками стучат».

Он положил руку на щеку и продолжал рыдать.

Началось шушуканье в его пользу.

А он с молящим выражением лица взглянул на запёртое окошко. Взгляд его упал на картинки о зубах и он по складам прочёл:

«Бе-ре-ги-те зу-бы».

Божась так, что если бы услышал милиционер, немедленно составил бы административное взыскание, направился к двери.

Сплюнув помимо урны, с злостью хлопнув дверью, он тихо пошёл к саням.

Отвязав лошадь, ввалясь в сани, с гневом рванул вожжи, срывая зло на невинной лошадёнке — ударив её с силой кнутом и охая, вылетел из ворот больницы.